

МОЛОДЫЕ
Культура. - 1994 - Вавг. - с. 9.

КАК НА БЕЛОМ КОНЕ

Почти все фильмы, в которых снялась Ксения Качалина, стали событиями нашего кино: «Нелюбовь» Валерия Рубинчика, «Арбитр» Ивана Охлобыстина, «Тьма» Игоря Масленникова, «Над темной водой» Дмитрия Месхиева, «Три сестры» Сергея Соловьева... По мнению критики, последний — «Дикая любовь» — интересен во многом благодаря именно ей, Ксении Качалиной, сегодняшней выпускнице Всероссийского государственного института кинематографии.

— Ксения, вы поступили во ВГИК сразу, с первой попытки!

— Да, с первой.

— И пришли «прямо с улицы»!

— Нет, до этого было два года учебы на театральном отделении Саратовской консерватории.

— А саратовское детство было как-то связано с театром, с актерской профессией?

— Детство — нет, а юность — да.

— И на каком курсе вы начали сниматься?

— На первом. Первый фильм — «Нелюбовь».

— Вы снялись в фильмах обоих ваших мастеров по ВГИКу: и Валерия Рубинчика, и Сергея Соловьева. Ваши отношения с мастерами в студенческой аудитории отличались от отношений на съемочной площадке?

— Нет, все происходило так же интересно и на том же уровне.

— До сих пор ваша кинокарьера складывается настолько удачно, что невольно возникает вопрос: не помогали ли, не влияли ли на нее ваши мастера?

— Они потом смотрели фильмы, и мы разговаривали с ними: что хорошо получилось, что не получилось, а что можно было сделать по-другому, лучше. А потом я работала с теми людьми, которые тоже могут быть педагогами: Абдулов, Янковский, Любшин...

— На съемках вы склонны

следовать указаниям режиссера, его видению вашей роли или стремитесь создать свою трактовку?

— Гораздо приятнее, если режиссер знает, чего он хочет сам. Если тебе нравится режиссер и если ты веришь ему, то с удовольствием ждешь, когда он расскажет тебе, чего бы ему хотелось. Можно так. Но если режиссер полагается на твоё нутро, на твоё «я», он тебя «выпускает» и ты действуешь в кадре абсолютно самостоятельно — тогда вся ответственность на тебе.

— А бывало так, что какая-то героиня была вам эмоционально неблизка, а ее проблемы вообще не понятны?

— Не было... Да нет, наверное, если исходить из того, что все женщины являются женщинами и все героини — женщинами, то и проблемы у всех, даже если они и отличаются по уровню трагизма, практически одинаковы.

— Трагическую судьбу героини фильма «Нелюбовь» вы ощущаете, как судьбу, как проблему поколения или скорее это вневременная история?

— Наверное, вневременная. Я думаю, что у любой женщины могла случиться такая история. И в сорок лет, и в пятьдесят...

— И вы любите создавать такие женские образы — причудливые, сложные?

— Причудливые они сами получаются. А сложные... Наобо-

рот, хотелось бы уйти от сложности.

— Героиня «Нелюбви» отождествляет себя с Мэрилин Монро. Вы сами [или режиссер] пытались стилизовать себя под Монро?

— Безумие подражать кому-либо. Это во-первых. А во-вторых: ну как можно проецировать жизнь, например, Фредди Меркьюри на себя?

— А вы бы согласились сыграть роль типа тех, что играла Мэрилин: оптимистичная комедия с неизменным хэппи-эндом, с принцем, которого получает героиня в финале?

— С удовольствием.

— Но пока вам пришлось играть только обратное.

— Ничего, терплю.

— Зрителей часто интересует, не сказываются ли на актрисе отрицательные эмоции, которые ей приходится «переживать» на съемках?

— Проецируются ли эти «переживания» на жизнь? Вот «до» и «во время» съемочного периода ты как бы не понимаешь, что делаешь: снимаются маленькие кусочки, одна сцена из начала сценария выдерживается, другая — откуда-то из середины, и все мешается, мешается... Все зависит от производства. А уже потом, когда все снято, вдруг, через месяц-два... Так было после «Тьмы» по Леониду Андрееву, где я играла проститутку, не могу сказать, получилось ли там, не получилось, но самое удивительное, что, когда закончились съемки и я приехала в Москву, вдруг ощутила ненависть к мужчинам. Причем реальные жизненные события этого не провоцировали, ничто не вызывало раздражения, в жизни все было нормально. Что-то отложилось по роли, и месяца два потом я была просто, как ежик.

— Вопрос, скажем, не совсем тактичный. У вас небольшой дефект речи. Когда вы поступали в институт, он вам мешал? Ведь в кино у вас этот дефект как бы улетучивается.

— «Улетучивается» все на озвучании, когда темный зал и единственное, что нужно, — попадание в текст и артикуляция. Когда уже можно говорить буквально «р» с абсолютно волчьим выражением лица, только бы она у тебя получилась.

А вот поступление... Соловьев потом сказал, года через два-три, что при поступлении, когда я на экзамене что-то пыталась читать, они все слушали очень внимательно, а потом друг друга переспрашивали, что же, собственно, я говорила.

— Вы ощущаете себя кинозвездой? Стремитесь ли к тому, чтобы стать «звездой» в нашей стране, какая она сейчас?

— Нет, кинозвездой я не стремлюсь стать, все получается так, как получается. И вообще, очень интересный вопрос: на каком этапе актеры должны чувствовать себя кинозвездами?

— Может, это случается, когда приходят внешние приметы успеха...

— Это когда берут интервью, просят автографы? Люди видели фильмы, и возникает желание пообщаться. Это тоже нормальные человеческие отношения: если человек интересен, соответственно хочется с ним разговаривать.

— Ваш курс во ВГИКе сделал сначала спектакль «Три сестры», потом фильм по этому спектаклю. Что вам оказалось ближе: работа на театральной сцене, опыт которой у вас теперь есть, или кино?

— Я думаю, если начинать по-настоящему работать в театре, то на сцену надо выходить, как «на белом коне», с подготовленной супердикцией и движением. На съемочной площадке абсолютно другое ощущение и времени, и пространства, и твоей роли. В театре очень много пространства, и пока я этого пространства пугаюсь.

Беседу вела Анастасия МАШКОВА.